

Борис Цукерман

Подарок судьбы

1953 год. К своему дню рождения (6 марта) я получил подарок: 5 марта ушёл в небытие «великий вождь и учитель, друг всех трудящихся, рабочих, крестьян и интеллигенции, друг детей, молодёжи и всех угнетённых». Неумолимая смерть настигла одного из самых страшных злодеев во всей истории человечества. Тогда я не мог по-настоящему почувствовать всей огромности этого подарка судьбы, хотя первая радость пришла уже через несколько дней.

Перед началом утренней конференции, которая в Институте хирургии имени А.В. Вишневского (Москва) проходила ежедневно, подходит ко мне секретарь нашей партийной организации Мефодий Воропаев и говорит: «Между прочим, поздравляю тебя, окончилось дело врачей, все оказались невиновными». Лицемерная улыбка его отвратительна. Еле сдерживая себя, отвечаю: «Почему меня? Себя поздравь, победа правды — праздник для всех!»

Да, окончилось «дело врачей», а лишь недавно следствие с безукоризненной точностью устанавливало «факты» их преступной деятельности. В свидетелях недостатка не было. Врач Кремлёвской больницы Лидия Тимашук за свои разоблачения получила высшую награду, орден Ленина. Печать и радио извергали проклятия на головы «преступников».

Кто же был в обвиняемых? Знаменитые наши врачи: профессора Вовси, Фрумкин, братья Коганы, Василенко, Раппопорт и многие другие, подавляющее большинство — евреи. Многие ли верили в их вину? Вначале нет, тем более, что тысячи пациентов хранили в своих сердцах огромную им благодарность. Выступил ли кто-нибудь в их защиту? Тоже нет. Было это невыносимо, да и бесполезно: цена заступничества — собственная жизнь, а эффект — глас вопиющего в пустыне. Сейчас трудно в это поверить, слишком многое изменилось за прошедшие 50 с лишним лет, но было это действительно так. А тогда Дело врачей стало делом еврейских врачей — отравителей и убийц. Оголтелая антисемитская пропаганда привела к тому, что многие так называемые «простые люди» стали бояться врачей — евреев, и опасения, что их могут отравить и убить, охотно расцвечивала пресса, представляя эту чушь гласом народа.

Готовился крупный судебный процесс с последующей жестокой расправой. И уж, конечно, никто не знал тогда, что этот процесс был задуман лишь как прелюдия к гораздо более крупной акции - тотальному обвинению всех советских евреев в измене Родине и расправе над целым народом. Пока безработными вдруг оказались тысячи специалистов — медиков. Крупные же врачи, профессора, академики все были в ужасе:

возьмут ли их тоже и когда это будет?

В нашем институте, как и везде, жизнь была беспокойной. Очистка кадров от «инвалидов 5-й группы»¹⁾, как тогда застенчиво называли евреев, подходила к концу.

Блестящие наши врачи: Зак, Зимовская, Таубкин, Клячко, Шур и многие другие уже были уволены. Оказался среди них даже член партбюро Харнас. Остались работать лишь трое:

---

1. В «отделах кадров» всех учреждений, в анкетах, заполнявшихся на каждого работника, в пункте №5 обозначалась национальность.

сотрудница, которая только что родила, другая — на последних неделях беременности и я — инвалид войны. Нас пока защищал закон.

В других институтах не легче: там политику партии по «укреплению и правильной расстановке кадров» помогали проводить присылавшиеся райкомами доверенные лица, обычно профессора и доценты. Из наших такое доверие было оказано парторгу Мефодию Воропаеву и профессору Григорию Алипову. Были они направлены в Центральный институт усовершенствования врачей (ЦИУ), где учинили настоящий разгром. Лучшие профессора и преподаватели были изгнаны поганой метлой.

Освобождённые места заняли бездарные карьеристы, которыми и «укрепили» кадровый состав. Наука и педагогический процесс потерпели, как от мощного землетрясения. Они превращались в прах.

Созданное тяжким трудом за десятилетия было разрушено за неделю. Важное партпоручение выполнено со всей ответственностью.

Так же, как и в ЦИУ, в большей или меньшей степени было практически везде... В нашем институте кадры «укреплял» зам. директора по науке, профессор Пшеничников, по иронии судьбы тоже Владимир Ильич. Со мной, как с другими, расправиться было сложнее. Поэтому, вызвав к себе и гневно оттопырив нижнюю губу, он изрёк: «Держать Вас на научной должности больше не будем. Поработайте препаратором, там увидим», — и снизил зарплату вдвое.

Расстроенный иду по коридору клинического отделения мимо двери к директору, академику А.А. Вишневному, и вдруг он сам: «Вот ты-то мне и нужен. Заходи, заходи в кабинет. Посмотри как следует — и, снизив голос, — где может быть спрятан микрофон, ну где, где?! Меня подслушивают, я точно знаю!»

Смотрю — не узнаю: всегда яркий, уверенный в себе, сейчас он даже съёжился и во всём облике — затаившийся страх: во взгляде, посеревшей коже лица, внезапной сутулости.

Страх — чувство ему совершенно не свойственное. Ему, прославленному фронтовому хирургу, который под свирепой бомбёжкой и артобстрелом выполнял сложнейшие операции, не отдавая смерти, казалось бы, верную её добычу. Тогда его руки не дрожали.

И вот он сейчас. Немыслимо это видеть! Вспоминаю вдруг: ведь и у него 5-й пункт не стерильно чист, мать-то его — караимка. Немецкие фашисты караимов, правда, не трогали. А у нас, кто знает?

Да, мне же нужно ответить на его вопрос! Смотрю под потолок на вентиляционную решётку. Может быть, там? А может быть, и в другом месте, почти любом. Нет, со специалистами, которые эти штуки ставят, не потягаешься, прятать они умеют.

Говорю об этом Александру Александровичу и напоследок спрашиваю: «А не вернее ли держать эти штуки на голодном пайке?»

— Ладно, — отвечает, — ничего ты не понял, иди.

Ухожу с тяжёлым чувством. Ведь я тепло к нему отношусь, хоть недостатков у него миллион. Но он талантлив, умён, горизонты у него широкие, и хирург он Божьей милостью. А был ли случай, чтобы он даже последней нянечке отказал в своей консультации или в просьбе оперировать её родственника? Нет, как не отказывал любому сотруднику подписать любое ходатайство: на получение квартиры, машины, путёвки в санаторий и многое другое. Был он настоящий человек.

После смерти Сталина прошло лишь несколько дней, и вот врачи — на свободе. Владимир Никитич Виноградов буквально на завтра пришёл в Первый Медицинский институт читать

Борис Цукерман. Подарок судьбы

лекцию, которая должна была состояться в соответствии с действующим расписанием. Огромная аудитория была переполнена, встретили его небывалым громом оваций, а он начал говорить, как будто ничего не случилось и прошлая лекция курса состоялась только вчера. Впоследствии в частной беседе он рассказывал: «С чего всё началось? После очередного осмотра, увидев, что состояние Сталина действительно — на грани, я сказал ему: «Иосиф Виссарионович, Вам надо по-настоящему отдохнуть и хорошо бы на время уйти ото всех дел. Ожидай я хоть тени последовавшей реакции, я стал бы немым. Раздался не крик, а визг: Берия, в кандалы его, в кандалы!! Видно, вспомнил, как в своё время сам с Лениным поступил. Решил, что и ему ту же участь готовят».

В первом же разговоре со следователем я признал все предъявленные мне обвинения. Другие начисто отрицали, возмущались, а я признал. Ведь подписать показания так или иначе заставят, под пытками. Конец всё равно один, а тут мучений меньше. И что интересно, отношения со следователем сложились почти дружественными. Он даже обсуждал со мной вопрос, какую страну лучше указать, куда я — шпион — передавал секретные сведения. Вот так!»

А примерно через полгода Александр Александрович как-то при случае сказал мне: «Вас, евреев, осталось тогда только трое, ты и две девки ещё. Ничего я не мог сделать, сам висел на волоске... А ведь со дня на день тогда собирался приехать академик Быков из Ленинграда с какой-то новой дурацкой инструкцией, и я должен был всех выгнать. Бог вас спас».

Сейчас, вспоминая то страшное время, можно твёрдо сказать: смерть тирана не просто подарок судьбы. Она отвела Дамоклов меч, висевший над головой каждого из нас, независимо от возраста, рода занятий и положения в обществе.

А ведь были и те, кто в начале марта проливал слёзы. В подавляющем большинстве эти люди потом прозрели. Лишь единицы слепы и посейчас. Не поняли они, что подарок, преподнесенный им 5-го марта 1953 года, неизмеримо выше всех сокровищ мира.

